

революціонных средств: самонадеянность, презрѣніе к чужой вѣрѣ, жестокость воли, примитивность мысли, мужество осуществленія любого замысла, пафос борьбы, войны и новаго націонализма. Если старая гвардія, породившая революцію, еще имѣла какое-то отношеніе к слову Маркса, о необходимости борьбы за «реальный гуманизм», то порожденная революціей новая большевистская армія этого отношенія уже ни в какой мѣрѣ и степени не чувствует.

В этой своеобразной обстановкѣ, среди мертвых революціонных идей и безыдейных революціонеров, в которых «октябрь» все еще жив как фактъ, но уже давно мертвъ как смысл, вырастает третье поколѣніе уже не сынов, а внуков октября.

К этому поколѣнію, которому сейчас 14-18 лѣтъ, облик котораго мы, даже в ярком свѣтѣ нашей вѣры в Россію и интуитивнаго предчувствія ея пути, лишь смутно разгадываем по рассказам совѣтских людей и пламекам в совѣтской литературѣ, и обращаемся мы с нашею проповѣдью. Конечно, не в утопической надежде, что на с услышат и на м на слово повѣрят, а в трезвом расчетѣ на время и на самостоятельную духовную работу русской молодежи. Как бы ни пыталось совѣтское государство духовно связать ее по рукам и по ногам, она неизбежно должна будет задуматься над тѣм, почему дѣдам не удалось осуществить рай на землѣ, почему свѣтлый рай превратился в мрачный застѣнок. Задумавшись же, оно должно будет само натолкнуться на тот путь живой вѣры, реальной (духовной и матеріальной) свободы и конкретной (любящей живого русскаго человека, а не отвлеченнаго пролетарія) справедливости, на который зовет «Новый Град».

Думаю, что послѣ всего сказаннаго, І. В. Гессен согласится с нами, что, и игнорируя первопланшых, так сказать, наследников большевизма, — усталых обывателей и темных воротил — мы не рискуем оказаться иллюзионистами-утопистами, доп-Кихотами. Не рискуем потому, что, во-первых, сознательно мѣтим в далекую цѣль, а, во-вторых, потому, что твердо уповаем на ту духовную первооснову жизни, которой можно без конца измѣнять, но которой никогда нельзя отмѣнить.

Ф. Степун.

К ДѢЛУ

Есть в нѣкоторых наших современных установках свойства, внушающія мнѣ чувства крайняго противленія. И, к сожалѣнію, эти свойства особенно сильны в теченіях, имѣющих касательство к пореволю-

ціонности. Я сказала бы так: любая теорія предпочитается всякому конкретному дѣйствованію, любая схематизація оправдывается и расширяется, как нѣкоторое достиженіе.

У меня же сейчас очень острое чувство, что всякая даже замѣчательная теорія во всяком случаѣ менѣе цѣнна и нужна, чѣм всякая даже не очень значительная практика. И всякую теорію надо в первую очередь провѣрить именно с точки зрѣнія возможности ея немедленного воплощенія, — что и как она в нашей жизни мѣняет. Очень боюсь, что исторія, выслушав декларативную часть новгородских заданий, сейчас говорит им: «Отлично, будьте любезны прислать ко мнѣ вашего архитектора, чтобы я могла ознакомиться со смѣтой этих новых предполагаемых построек, с точным планом улиц, площадей и домов Новаго Града, — до этого у меня нѣтъ оснований для окончательнаго сужденія о пригодности ваших принципов».

Потребность конкретности, — первое, что я чувствую со всей остротой.

Второе, что мнѣ кажется сейчас совершенно необходимым, — это пересмотр отношенія к совѣтским самым разнообразным достиженіям. Думается мнѣ, что на основѣ нашей эмигрантской инертности, как бы в видѣ нѣкотораго средства для выработки бодрости и надежды, сейчас все сильнѣе и сильнѣе говорят о том, что по ту сторону совѣтской границы так много замѣчательнаго и так много полновѣснаго, и завѣдомо ясно: Россія не только не погибла, а, наоборот, тант под спудом небывалую творческую жизнь. И тут надо сказать: слава Богу, если это так. Но даже если это и так, — совершенно безумно нам на это ориентироваться, — во-первых, потому что это не доказано и недоказуемо, во-вторых, потому, что внутри-русское творчество не снимает с нас наших творческих задач. И, наконец, потому, что русская дѣйствительность есть нѣчто чрезвычайно хрупкое, подверженное тысячѣ случайностей, и не дающее никакой возможности стоящему в ея кругѣ чувствовать себя прочно на ногах.

Скажу так: пусть достиженія там чрезвычайны, пусть какіе-то энтузіасты стеклят крыши тракторных заводов, обгоняют Америку и прочее. С точки зрѣнія рабочей, нам до этого просто нѣтъ дѣла. Они стеклят, они обгоняют, — мы то при чем тут? С нас это ничего не снимает, и нам это ничего не даст. В качествѣ рабочей гипотезы, в качествѣ единственной плодотворной системы ориентировки в собственных задачах надо принять на себя всю отвѣтственность за построеніе русской духовной культуры, надо не рассчитывать на явные и тайные планы и смѣты, яко бы имѣющіеся в Россіи. Надо сознательно сказать себѣ: «что я сдѣлаю, то и будет сдѣлано», — или — «что мы сдѣлаем, то и будет сдѣлано». Всяческія же рѣчи и статьи о тамошних достиженіях — очень при-

тно бодрящій матерьял, но и только. Важно не слишком от этого матерьяла приободряться.

Из такой установки не слѣдует, конечно, дѣлать вывод о том, что мы соль земли, — она должна вести не к самомнѣнію, а лишь к чувству повышенной отвѣтственности.

Если это вѣрно в отношеніи различных вопросов культуры и быта, то еще безконечно вѣрнѣе по отношенію ко всему, что связано с жизнью Церкви.

Помнится мнѣ, как нѣсколько лѣт тому назад до нас достигали, хоть и неопредѣленные, но упорные слухи о том, что на Сѣверном Кавказѣ есть огромныя монашескія скопленія, скиты, отшельники, напряженная духовная жизнь, притягивающая к себѣ вѣрующих со всей Россіи. Ползли эти слухи, ползли. А потом пріѣхал из Россіи человек и сказал, что были на Сѣверном Кавказѣ грандіозныя облавы, выловили около четырех тысяч человек одних монахов, — и никакого религіознаго центра там не осталось. Как печально и неразумно было бы нам ориентироваться на эти сѣверо-кавказскіе центры и пребывать в покоѣ: у нас, мол, плохо, зато там благодать.

Слава Богу, если наши усилія потонут в тѣх огромных усиліях, которыя есть в Россіи. Но не на это мы должны ориентироваться, а на то, что наши усилія могут оказаться е д и н с т в е н н ы м и, — и поэтому мы должны их сдѣлать м а к с и м а л ь н ы м и.

Эти общія соображенія имѣют, на мой взгляд, рѣшающее значеніе во всѣх наших дѣлах. Кто понял, что у меня нѣтъ и рѣчи о нашем зарубежном самомнѣніи, а только — о нашей зарубежной отвѣтственности, тот не смутится утвержденіем, что, может быть, русская православная Церковь очень близка сейчас к новому, парижскому періоду своей исторіи. Гдѣ уж тут самомнѣніе, когда такое утвержденіе вызывает в первую очередь трепет и ужас! В` своем дѣлѣ, мы, вѣдь, безконечно безответственны в нашей церковной жизни, и вдруг призрак такой, — что, кромѣ нея, может ничего другого и не остаться во всей вселенной. Мы знаем, на примѣр, что единственная настоящая высшая школа русскаго православнаго богословія существует в Парижѣ. — Как ясно, что профессора и слушатели такой е д и н с т в е н н о й школы должны совсѣм иначе воспринимать свою отвѣтственность, чѣм если бы они чувствовали, что вот, мол, у нас то или иное не ладно, зато в других мѣстах все обстоит благополучно. И это же сознание отвѣтственности, кажется мнѣ, должно сопутствовать всей нашей церковной жизни.

С точки зрѣнія такой основной установки, с точки зрѣнія пріятія на свои плечи всей отвѣтственности и всѣх не только охранительных, но и творческих церковных задач во всей их конкретности, мнѣ бы хотѣлось проанализировать наше положеніе.

И в стремленіи к большей конкретности, мнѣ даже не хотѣлось

бы говорить об общем церковном положении, но лишь об одной стороне церковной жизни — о монашестве.

Что из себя представляет сейчас монашество в России? Бог ве-
дает. Одни скажут: разгромлено, уничтожено, разсосалось, раство-
рилось в советском быту, — и говорить не о чем. Другие скажут: что
ни приход, то малая монастырская община, не осталось монастырей,
— зато монашество пронизало всю церковную жизнь насквозь. Бу-
дем надеяться, что правильно второе мнение, но будем работать, как
будто бы право было первое мнение, потому что у нас нет никаких
данных утверждать, что даже если монашество сохранилось до сих
пор, оно сохранится и в дальнейшем. Значит, там — катакомбная
жизнь, на которую мы не имеем права ориентироваться.

Есть еще по эту сторону советской границы старые монастыри:
Валаам, Коневец, Псково-Печорский монастырь — мужские, есть Риж-
ский и Пюхтицкий — женские. Есть монастыри в Польше (Почаевская
Лавра), есть в Сербии.

Этим летом мне пришлось быть в Прибалтике и в Финляндии.
Многое я видела, о многом узнала из рассказов очень сведущих людей.
Может-быть, самое страшное, что явно сейчас в этих старых монасты-
рях, — это возраст монахов и монахинь. Ведь, скажем, на Валааме
постригаться нельзя, — от механически обретен на вымирание. В
Прибалтике беззачетно затруднены постриги неместных подданных,
— а где же рассчитывать на специфический расцвет монашеских иде-
алов у латышей и эстонцев? Монастыри пустуют, — это несомненно.

Но даже помимо этого явления, общее впечатление от этих мо-
настырей заставляет сильно задумываться. В них, несомненно, много
личного благочестия, личного подвига, может-быть, даже личной свя-
тости; но как подлинные организмы, как некое целое, как некая сть-
на нерушимая, они просто не существуют.

Так ясно, что, переступи большевистский сапог через границу, —
благо она так не далека, несколько десятков километров, — и ни-
чего от монастыря не останется. Или попадет он в какую-нибудь
комбинацию несложной и провинциальной местной политики, — опять-
таки — вопрос будет стоять о его существовании. А тут еще у мно-
гих монастырей, как жернов на шею, богатство ризницы, или рыб-
ные ловли, или угоidia, леса, — у всякого, сильного и властного, раз-
гарается аппетит.

Значение этих лимитрофных монастырей несомненно: они блю-
дут завѣты, они берегут огромные клады прошлого быта, золотой
ларец традиций и благолѣпия. Надо верить, что они доберегут, дохра-
нят, достерегут. Но это все, на что можно рассчитывать. Они, может-
быть, даже providencialно попали в такія своеобразныя, далекия от
всякой современности условия, что хрупкое и нежное очарование их

быта, возможно, так и не будет подвергнуто никакому насилію, никакому соприкосновенію с нашей страшной, слишком быстрой и слишком напряженной жизнью.

Но опять-таки перед общецерковным дѣлом было бы преступно и легкомысленно сказать, что вот, мол, они существуют, а потому вопрос и разрѣшен, не о чем нам больше беспокоиться.

И тут я подхожу к главной моей темѣ, — к положенію монашества у нас.

И вот тут встает вопрос о нашем монашествѣ, о монашествѣ, которое должно стать новым монашеством, потому что для стараго монашества не оказывается старых условій жизни, потому что новая наша жизнь и к монашеству предъявляет новыя требованія.

Тут сразу я чувствую возраженія тѣх, кто старается быть слѣпым и никаких этих новшеств не видѣть. Они говорят: монах — это один, отъединенный, инок — это иной, — о какой новой жизни можно тут говорить? Православное монашество — это не то, что католическое, — оно всегда было созерцательно, и есть что-то недопустимое для религіознаго сознанія в каких-то новых видах активнаго, в міру пребывающаго монаха.

В таком разсужденіи все подлежит опроверженію.

Вѣрно, что монах — это один, инок — иной. Но это вѣрно только в смыслѣ их внутренней установки, в смыслѣ отъединенности от поисков «своего» в мірѣ. Но подлинное одиночество, сопрягаемое и с виѣшним одиночеством, во всѣ вѣка существованія монашества было удѣлом самаго незначительнаго числа монахов. Общежительные монастыри никогда не были мѣстом уединенной созерцательной жизни, а скорѣе растили братскую любовь на основаніи совмѣстной молитвы и совмѣстнаго труда, совмѣстных трапез и совмѣстнаго подвига. И особенно уж наши русскіе монастыри всегда неизбѣжно организовывали не только духовную жизнь своих уединенных насельников, но организовывали хозяйственную и культурную жизнь всей общины, всего монашескаго коллектива. Они не только предавались созерцанію и молитвам, — они сѣяли, косили, ловили рыбу, учили дѣтей, колонизовали окраины, были религіозными, культурными, экономическими центрами.

Правда, за послѣднія столѣтія они в большой степени утратили такое значеніе, — и это от того, что вообще в теченіе послѣдних столѣтій вся Церковь утратила свое первенствующее значеніе.

Так вот, при сознаніи нашей безмѣрной отвѣтственности в церковных дѣлах, рѣчь не может идти только о том, чтобы у нас вообще было монашество. Этого недостаточно: наше монашество должно поставить перед собою задачу занять такое же организующее мѣсто в нашей жизни, какое ему принадле-

жало в отдаленныя времена. Задачу надо ставить во весь рост и не смущать ее размѣрами.

Посмотрим, что происходит сейчас фактически. Постригаются в монахи. Постригаясь, совершенно искренне думают чуть ли не об отшельничествѣ. Вслѣд за постриженіем рукополагаются и вскорѣ оказываются на приходах, во всей гущѣ жизни, активными священниками. Так жизнь предъявляет свой запрос монашеству.

Вопрос не исчерпывается, конечно, своеобразным поглощеніем монашества приходами. Мы стоим наканунѣ новых чисто монашеских форм его существованія. И эти формы должны организовывать самыя разнообразныя жизненныя потребности.

Мнѣ хотѣлось бы привести один из возможных проектов такой организаци. Представим себѣ большое женское трудовое общежитіе. Со стороны экономической это означало бы организацию жизни по принципу трудовой коммуны, с возможностью максимально дешеваго существованія для каждаго члена такого начинанія. При этом дѣлѣ должны существовать большія мастерскія, берущія на себя выполнение самых разнообразных дешевых работ. Дешевизна общежительнаго быта давала бы возможность не тратить всего дня на заработок, а оправдывать свое существованіе четырьмя-пятью часами труда. Остальное время можно было бы проводить — для одних — в ученіи. При пяти часах труда их вполне можно сочетать даже с высшей школой, обеспечивая себѣ самим стипендію, необходимую для этого. Другія, имѣющія склонность к настоящей монашеской жизни, могли бы и ее организовать на основѣ такого общежительнаго дѣла. А кромѣ того постепенно к нему можно было бы приспособить и практическіе миссіонерскіе курсы, — в дальнѣйшем, может-быть, и миссіонерское дешевое издательство, обслуживаемое собственной типографіей с собственными наборщицами.

Таким путем можно было бы создать центр новаго активнаго монашества, центр, концентрирующій в себѣ подлинное духовное ядро, удовлетворяющій большой потребности, которая несомнѣнно существует. Это ядро несло бы на своих плечах большія и творческія задачи активнаго православія и организовывало бы около себя не только духовную, но и экономическую и бытовую жизнь значительнаго числа людей, находящихся сейчас в той или иной степени распыленія.

Что против этого м.ожно возразить? Назвѣ только то, что наряду с нашими планетарными теоріями задача эта не планетарнаго размаха. Но для того, чтобы планетарныя теоріи хоть что-либо значили, их необходимо укоренять в самой будничной конкретности. Мы обычно очень хорошо знаем, что мы дѣлаем сегодня и что мы будем дѣлать послѣ завтра. Провал только относительно планов на завтрашній день. Все написанное и есть попытка восполнить этот пробѣл.

Монахиня Марія (Скобцова).